

ФИЛОСОФИЯ

МЕТАФИЗИКА ЭМОЦИЙ*

ЧУВСТВО ВЫСОТЫ: СЛОЖНОСТЬ «ПРОСТОГО»**

© С. А. Лишаев

Лишаев
Сергей Александрович
доктор философских наук,
профессор
профессор кафедры
философии
руководитель Центра
философских и эстетических
исследований
Самарская
гуманитарная академия
lishaevs@bk.ru

В статье рассматривается феномен высоты как утверждающее расположение эстетики пространства. Проводится различие между чувствами высоты положения и высоты снизу вверх. Анализируются условия, в которых высота снизу вверх может иметь место в качестве эстетического события. Исследуется соотношение высоты с такими расположениями эстетики пространства, как высь и пропасть, выявляется ее эстетическая конструкция.

Ключевые слова: эстетика, пространство, направление, человек, возможность, величина, высь, пропасть, Другое.

До настоящего времени, и с этим, как мы полагаем, никто спорить не будет, высоту как особое чувство и расположение эстетики вниманием не жаловала. Впрочем, отсутствие этого феномена на воображаемой карте эстетических расположений соответствует тому положению, которое занимала и занимает в современной эстетике эстетика пространства: ее там нет как предмета философско-эстетической рефлексии. Такие фено-

---

*В первом разделе журнала представлена часть материалов Российской конференции «Метафизика эмоций: аффекты и концепты на палитре современной философии» (24—25 мая 2012 года).

Конференция была организована и проведена Центром философских и эстетических исследований Самарской гуманитарной академии.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 10-03-00472а («Эстетика пространства в горизонте экзистенциальной аналитики»).

мены, как уют, простор, пропасть, даль, высь и др., для эстетической теории — terra incognita. Нет ничего заманчивее и интереснее смысловой разведки новых территорий эстетического опыта, их описания и истолкования. Понятно, что описание новых для теории эстетических феноменов предполагает, прежде всего, их опознание в качестве таковых. Для этого необходим соответствующий концептуальный инструментарий, особым образом фокусирующий внимание теоретика. В данном случае фокусировка внимания на эстетике пространства осуществляется с помощью концептуального инструментария феноменологии эстетических расположений (или, иначе, эстетики Другого)¹. Выделив в эстетике пространства эстетику места и эстетику направлений, исследовав, в частности, такие направления, как пропасть и высь², мы можем перейти к рассмотрению высоты.

Уделить внимание чувству высоты нас побуждает также следующее соображение: описание феноменов выси и пропасти останется незавершенным, если не проработать его «по краям». А чувство высоты как раз и есть то, с чем соприкасаются и высь и пропасть как безусловные расположения эстетики направлений. Эстетический анализ выси и пропасти требует проведения разграничительных линий, отделяющих эти расположения от глубины и высоты³. Отложив разговор о глубине на будущее, сосредоточим наше внимание на чувстве высоты.

Впрочем, оправданность философско-эстетического исследования высоты определяется не только задачами, которые ставит перед нами рассмотрение феноменов пропасти и выси; *свое оправдание* оно находит, прежде всего, *в самом переживании высоты, в том действии, которое оказывает на нас высота* как особое направление.

Чувство высоты: высота положения и высота подъема. И в созерцании выси, и в созерцании бездны высота чувствуется, воспринимается, но ее восприятие остается в этих расположениях чувством «второго ряда», оно не становится их эстетическим центром.

Чувство высоты по-разному обнаруживает себя в тех случаях, когда мы имеем дело с высотой *как наверху-положением* (назовем такую позицию позицией пространственно-визуального доминирования), и в тех ситуациях, когда речь идет о *восприятии высоты как чего-то, что расположено перед человеком, что увлекает его взгляд в направлении **снизу вверх***.

Едва ли можно сомневаться в том, что и высота, *на которой* мы оказались, и высота, *перед которой* мы находимся, производят на нас

---

¹ Лишаев С. А. Эстетика Другого. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008.

² Об «эстетике направлений» как регионе «эстетики пространства» подробнее см.: Лишаев С. А. От тела к пространству: данность и возможность в эстетическом опыте // *Mixtura verborum*'2010: тело и слово. Философский ежегодник. Самара : Самар. гуманит. акад., 2010. С. 78—101.

³ См.: Лишаев С. А. Сверху вниз (пропасть как эстетический феномен) // *Mixtura verborum*' 2011: метафизика старого и нового. Философский ежегодник. Самара, 2011. С. 137—170; Лишаев С. А. Феноменология выси // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Научный журнал. Серия «Философия». 2011. № 4. Том 2. С. 123—133.

впечатление. Очевидно и то, что эстетический опыт, полученный созерцателем различных позиций, это разный опыт. Одно дело — переживание высоты с верхней позиции, и совсем другое — чувство, возникающее в ситуации, когда взгляд созерцателя поднимается снизу вверх.

Высоту «подо мной», как и высоту «передо мной», объединяет то обстоятельство, что и в том, и другом случае мы имеем дело с восприятием пространства по вертикали, только в одном случае чувство высоты определено пространственным доминированием созерцателя, в другом — созерцаемого. Однако эстетической самостоятельностью, способностью привлекать внимание безотносительно к таким эстетическим аттракторам, как пропасть и бездна, обладает только высота *снизу вверх*. Но прежде чем говорить об этой последней, остановимся на высоте положения.

Высокое положение. Вид сверху. Начнем с анализа чувства, возникающего в ситуации, когда мы, благодаря наверху-положению, переживаем высоту как нечто особенное⁴.

И обращение к личному опыту, и многочисленные свидетельства людей, испытывающих от высоты удовольствие, убеждают нас в том, что высота притягивает, что *пребывание на высоте (назовем его «наверху-положением»)* доставляет эстетическое удовольствие⁵.

Многие люди пользуются любой возможностью для того, чтобы забраться повыше и обозреть окрестности с верхней точки. Однако тяга к высоте может сдерживаться как внешними причинами (жизнь на равнине, физические возможности и т. д.), так и страхом высоты (страхом падения). Высота не только влечет к себе человека, она его еще и пугает. Есть даже особое понятие — «акрофобия», которое используется для обозначения *патологической формы страха перед высотой*.

Для того чтобы чувство высоты могло появиться, необходимо, во-первых, чтобы *перепад* высот был *видимым и, во-вторых, чтобы он был значительным*, привлекающим к себе внимание. Находясь в гористой и лесистой местности, можно сознать подъемы и спуски, но если мы видим на ближнем плане лишь камни, траву, деревья и идущую вверх тропу, а дальний и средний планы скрыты лесом, то с высотой — эстетически — мы, конечно, не встретимся. А на открытом месте, для того, чтобы высота стала осязаемой, требуется, чтобы она вышла за пределы обычных впечатлений от нее (каким именно должен быть этот перепад — в каждом случае опре-

---

⁴ В этом подразделе мы используем материалы статьи «Сверху вниз» (точнее, соображения, высказанные в Приложении 2 к этой работе: «На высоте пропасти: чем глубже, тем выше»), переработанные применительно к задачам настоящего исследования. Приходится смириться с повторением ранее высказанных соображений ради полноты в рассмотрении и описании интересующего нас феномена.

⁵ Мотивов, подталкивающих человека занять «наверху-положение», несколько. Едва ли можно сомневаться в том, что у желания быть наверху имеются не только эстетические, но и иные — религиозные, культурные, экзистенциальные, социальные, а также связанные с безопасностью и т. д. — основания, но мы сосредоточим внимание на эстетической составляющей чувства высоты.

деляется индивидуально). Но испытать высоту как что-то особенное, взобравшись на стул или на кочку, ни у кого не получится.

С высоты открываются отличные от привычных, хорошо знакомых в повседневной жизни, виды. Даже в том случае, когда человек проживает в холмистой или гористой местности, она непременно обратит на себя внимание, если он поднимется на высоту, значительно превышающую привычный для него ее уровень. Данность большего, чем обычно, перепада высот, открывает *новые горизонты*, позволяет видеть дальше и по-иному. Вид сверху не только делает значительные по величине предметы маленькими, игрушечными (предметы, погруженные в даль или простор, также уменьшаются в своих размерах), он позволяет обозревать их в новом ракурсе: человек, который смотрит сверху, видит вещи иначе, чем обычно.

Высокое место над обрывом — это позиция, предполагающая борьбу двух противоположных влечений: *жажды высоты и страха падения*. Именно здесь, на линии сгиба пространства, с наибольшей отчетливостью обнаруживается, что *чем глубже, тем выше*. Чем глубже пропасть, разверзшаяся перед моим взором, тем более значительной представляется мне высота, на которую я взобрался, тем отчетливее я ее переживаю. С наибольшей определенностью чувство высоты обнаруживает себя именно перед лицом пропасти. Восприятие пропасти сопряжено с переживанием смертельной опасности, с созерцанием пространства, выводящего «по ту сторону» жизни. Преодоление страха перед бездной на волне внутреннего подъема, вызванного соприкосновением с метафизической глубиной нашего Я, отзывается чувством восторга.

Высоту положения можно рассматривать как одну из предпосылок, способствующих эстетической встрече с пропастью. Однако в момент, когда мы отдаемся созерцанию бездны, чувство высоты ступеньвается, отходит на второй план. Так происходит потому, что внимание созерцателя переключается с восприятия положения в мире (в данном случае — пространственного) на возможность присутствовать в нем. Переживание присутствия, актуализированное в ситуации чувственно (визуально) данной «возможности небытия», — это и есть «то самое», что открывается человеку в расположении пропасти.

В созерцании пропасти, таким образом, сталкиваются два эмоциональных потока: у истоков одного — чувство высоты, переживаемое как *отсутствие ограничений, доминирование, уединенность, близость к небу* и, наконец, как полная свобода (вот взмахну крыльями — и полечу!); у истоков другого — *страх падения*. Исход столкновения разнонаправленных потоков переживаний никогда не предопределен заранее: если чувство страха и инстинкт самосохранения окажутся сильнее желания «постоять на краю» и удовольствия, получаемого от визуального доминирования над окружающим, то человек отшатнется от края бездны и будет держаться на безопасном от него расстоянии. Встреча с Другим в ситуации стояния-над-пропастью (бездна как эстетическое событие) может иметь место лишь в том случае, если мы приблизимся к ее краю. Такое приближение как раз и облегчается влечением к высоте и получаемым от на-высоте-положения удовольствием.

Для нас важно то, что высокое место привлекает к себе не только из-за вида, который открывается сверху, но также и само по себе. Однако вычленив из комплекса переживаний, которые сопровождают созерцание пропасти, то, которое мы определили как чувство «высоты положения», очень сложно, пожалуй — даже невозможно. Как самостоятельный феномен высоту положения исследовать не удастся. Она ускользает от нашего внимания. Высота положения включена в созерцание вещей и мест, которые находятся вдали и внизу. Чувство высоты входит в *восприятие и переживание других направлений (измерений) пространства* как их момент, как одна из красок эстетического расположения. Если другие измерения пространства видимы, то видение высоты гаснет в созерцании пропасти, простора, дали или особенной конфигурации расположившегося внизу и вдали ландшафта. Видимое сверху (со смотровой площадки) пространство находится перед нами; оно занимает собой внимание и определяет его содержание и эстетическую окраску. Если спросить человека: «Что вы видите и чувствуете, когда стоите на высоком месте?» Его ответ будет таким: «Я люблюсь простором», или: «Я вижу даль», или: «Я не могу оторвать взгляд от бездонной пропасти»⁶. При этом вполне возможно, что человек, оказавшийся на высоком месте, воскликнет: «Боже, как здесь высоко!»

Если высота-передо-мной-высящегося вполне может быть особым предметом созерцания, то *высота положения, у которой нет собственного внешнего референта*, дана взгляду косвенно, как далекий вид, как вид в глубину (вниз). Высота обречена оставаться переживанием, которое питает восприятие направлений, соотнесенных с видимыми формами пространства. Чувство высоты вплетается в аффективный континуум одного из расположений эстетики пространства, и извлечь его оттуда «в целостности и сохранности» практически невозможно. Тем не менее мы полагаем, что аналитическое распутывание многоцветных эстетических расположений, в которые вплетено чувство высоты, не лишено смысла. Пусть высота положения и не является «титულным чувством» для феноменов эстетики пространства, оно, тем не менее, в них присутствует, способствуя раскрытию их эстетического профиля; оставаясь в тени базового для данного расположения референта, высота заметно *интенсифицирует* ведущее эстетическое переживание, а в некоторых случаях выступает условием (например, в расположении пропасти) его возникновения.

Если в каких-то расположениях чувство высоты дает о себе знать с наибольшей определенностью, то это происходит именно тогда, когда наше внимание поглощено открывшейся перед нами бездной. Чем глубже *пропасть*, тем определеннее *чувство высоты* («Как здесь высоко!» — восклицаем мы в таких случаях, имея в виду: «Какая глубокая пропасть!»). Вид вниз, в глубину, *свидетельствует о высоте*, на которой я нахожусь,

---

⁶ Реже предметом созерцания человека, занявшего высокое место, становится высь. В горах звездное небо особенно притягательно. Когда мы находимся на большой высоте ночью в ясную погоду, то создаются наилучшие условия для восприятия выси.

но при этом он осознается как пропасть (бездна). В переживание пропасти высота входит иначе, чем в созерцание дали или простора. Здесь, *над бездной, чувство высоты* с присущими ему эмоциональными обертонами парения, превосходства (визуальной власти над миром) сталкивается с переживанием *пропасти как возможности завершения всех возможностей*. В отличие от ситуации, когда с высокого места открываются даль и простор, высота-над-пропастью не только интенсифицирует переживание протяженности вниз, но и представляет собой эмоциональный *противоток переживанию страха падения*. Высота — привлекает, пропасть — пугает и отталкивает. Стояние над пропастью — это и опыт высоты, и опыт бездны, но в этом двояком переживании чувство бездны и ее вид оказываются сильнее и определяют собой именование расположения.

Восприятие дали или простора с высотой необходимым образом не связано. С этими формами пространства мы можем встретиться и на равнине. Например, так бывает, когда мы идем полевой дорогой, которая то чуть-чуть поднимается вверх, то едва ощутимо спускается вниз... Но значит ли это, что высота не играет в восприятии простора и дали преестетически значимой роли? Ни в коей мере. Если подняться на холм, взобраться на колокольню или хотя бы на крышу дома, то даль или ширь обретут иную — большую — размерность, горизонты раздвинутся, даль углубится, а преестетический потенциал открывшегося сверху вида — возрастает. Но дело не только в этом. Если высота занимаемого положения будет хоть сколько-нибудь значительной, то к чувству дали или простора может прибавиться еще одно чувство — чувство высоты.

Снизу вверх: высота перед нами. Ту высоту, величину которой мы оцениваем *сверху вниз* (пространство под нами), следует отличать от высоты *снизу вверх*, от высоты перед нами. Эту последнюю следует отличать не только от высоты-над-обрывом (от высоты положения), но и от выси.

Высота и высь. Когда говорят о высоте, подразумевают 1) «величину», «протяженность чего-либо от нижней точки до верхней» («высота приборя»), 2) пространство наверху («смотреть в высоту», «парить в высоте»), 3) «расстояние от земли вверх» («лететь на большой высоте»), 4) «возвышенное место» («занять высоту») ⁷. Когда говорят о выси, имеют в виду: 1) «пространство, находящееся высоко над землей, в вышине», ⁸ и 2) «протяженность чего-л. по вертикали снизу вверх» ⁹. И хотя высота как «высоко расположенная часть пространства» ¹⁰ синонимична выси, а высь

---

⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (онлайн версия). URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm> (дата обращения: 10.02.2012).

⁸ Там же.

⁹ Стоит отметить, что это значение указано лишь в словаре Т. Ф. Ефремовой (Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (онлайн версия). URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 10.02.2012)).

¹⁰ Там же.

как «протяженность чего-либо по вертикали снизу вверх» совпадает по своему значению с высотой, все же на первый план в семантике высоты выдвигаются *величина* (оценка расстояния от нижней точки чего-либо до его вершины) и *направление снизу вверх*. Высота — это протяженность *вверх*, в то время как *высь* — это ничем не ограниченное, *открытое пространство наверху*. Слово «высь» используют прежде всего для того, чтобы указать на *верх* как особое пространственное *измерение* и только потом на направление пространства. Обычно (хотя и не всегда!), прежде чем наш взгляд будет поглощен небом, мы ощупываем им что-то, что тянется снизу вверх, от земли к небу, и лишь после этого наше внимание сосредоточивается на восприятии выси. (Когда мы созерцаем высоту высокого, наше внимание концентрируется *на высоте как направлении*, а не на том, чем она «завершается», не на бездонной глубине неба.)

В созерцании выси взгляд созерцателя движется *снизу вверх*, но внимает он тому, что *наверху*, то есть тому, что находится за пределами вертикально ориентированного сущего, от которого отправляется его взор. Восприятие выси — это не столько восприятие пространства, *направленного* вверх, сколько *само верхнее в качестве особого измерения* во всей его — для созерцателя — неизмеримости. В созерцании выси снизу-вверх-направление может быть исходной точкой расположения, но сама эта расположенность связана с движением взгляда «по тому, что наверху расположено», это движение слева направо, вперед-назад и — по ломаной линии. Это блуждание по тому, что наверху, но не движение снизу вверх¹¹. Это как раз тот случай, когда термин «измерение» кажется более уместным, чем «направление». Но в том случае, когда мы имеем дело с *высотой*, на первый план выходит именно *направление* (пространства) как вектор возможного движения. Здесь, в созерцании высоты, очень существенна горизонталь земной поверхности; движение снизу вверх предполагает основание и вершину, а, стало быть, то, из чего вырастает и к чему возносится высокое. Высокое — это то, что снизу ограничено земной поверхностью, а сверху — небом.

Условное и безусловное в созерцании пространства. Высота принадлежит к так называемым *условным расположениям* эстетики направлений¹². Предельность, безусловность чувства указывает на онтологическую глубину и интенсивность переживания, а его условность, относительность — на его ограниченность имманентным горизонтом (миром сущего). Высота всегда относительна, условна. Эта характеристика высоты, сопряженная со спецификой ее референта, *отличает ее от выси как безусловного эстетического расположения*.

Часто (хотя и не всегда¹³) близкие или даже тождественные друг другу по предметному референту эстетические расположения образуют (по критерию условности/безусловности) эстетические пары: красивое/

¹¹ Подробнее о расположении выси см. статью: *Лишаев С. А. Феноменология выси...*

¹² *Лишаев С. А. Эстетика Другого. С. 29—32.*

¹³ Например, нет пары у такого расположения эстетики отвержения, как ужас, не имеет ее и уют (эстетика интерьерера), не имеет ее даль (эстетика направлений).

прекрасное, большое/возвышенное, скучное/тоскливое, старое/ветхое, молодое/юное, простор/просторное и т. д.

И хотя в условных расположениях Другое не дается нам в собственной форме, но и эти расположения отсылают к нему, о нем свидетельствуют. Красивое напоминает о прекрасном, старое — о ветхом, просторное — о просторе, высокое — о выси и т. д.

По ходу исследования эстетики направлений (измерений) пространства мы сталкиваемся с тем, что наше внимание сосредоточивается или 1) на разворачивании пространства по ходу движения взгляда, на его динамике (тут мы будем иметь дело с *условными* расположениями эстетики пространства), или 2) на созерцании его *до предела (до переживания Другого как возможности простиранья) развернутой формы*. То есть речь идет о форме, в которой простиранье в том или ином направлении не наталкивается на границу, и как будто пространство предстает как бесконечность, отсылающая к возможности простиранья как таковой, к чистому пространству. Такими полностью развернутыми в нашем восприятии и являющимися Другое формами пространства оказываются простор, высь и бездна.

Возьмем для примера простор и его в-ширину-распростертость. Широта может переживаться или в модусе *просторного* пространства, то есть пространства, *более или менее* открытого в глубину по горизонтали, или же в своей предельной, до конца — до бесконечности — развернутой форме (*простор* как необъятная, неохватная ширь). Направление здесь подчинено измерению шири (шири-горизонтали) как фиксирующей наше внимание на бесконечности. Когда мы созерцаем *просторное*, мы созерцаем значительное по ширине, но ограниченное по краям пространство, наш глаз и наше восприятие переходят от одного края открытой по горизонтали местности (или внутреннего интерьерного пространства) к другому (при этом в нем удерживаются векторы возможного движения в контуре открытых в ширину, но ограниченных пространств зала, поляны, площади, проспекта) и воспринимают его как относительно открытое (то есть такое, в котором можно двигаться и так, и *несколько иначе*). В созерцании простора взгляд фиксируется на линии горизонта, которую наше воображение не способно удержать как одно целое, следовательно, не в силах оценить ее размерность, не в силах ее «измерить». Наш взор погружается в необъятность, в беспредельность пространства по горизонтали, и теряется, растворяется в ней, не утрачивая при этом своей подвижности.

Аналогичным образом следует разделять переживание чего-то, что поражает наше воображение как высокое, от созерцания, в котором наш взгляд, не задерживаясь на высоте высокого, погружается в то, что *наверху*. В созерцании выси взгляд теряется в необъятности неба, в его неисследимой глубине, в его неизмеримой шири. На первый план вместо созерцающего нечто «я» выходит бесконечность. В случае с высотой опыт будет другим. Здесь в центре внимания оказывается *возможность движения* в вертикальном направлении *в ее отнесенности к субъекту*. Пространство-вверх — это *его* возможность, *его* (субъекта, «я») перспектива,

его возможное будущее. А такая возможность всегда условна, относительна. Высота — условное расположение эстетики направлений.

Величина и высота. Есть еще один момент в эстетике высоты, артикуляция которого необходима для того, чтобы осмыслить своеобразие этого феномена. Из расположений, которые важно отличать, отграничивать от высоты, следует, прежде всего, остановиться на *большом* как феномене эстетики величин (*к эстетике величин можно отнести большое, а также величественное, маленькое, затерянное...*). Внешний референт большого отделить от внешнего референта высоты непросто, поэтому мы должны остановиться на том, что отличает высоту от большого как расположения эстетики величин. Спросим себя: в чем состоит отличие восприятия большого от восприятия высокого? Внешним референтом большого как одного из расположений эстетики величин выступает *не направление пространства, а величина созерцаемого предмета*¹⁴. Переживания, возникающие в момент эстетической встречи с большим предметом, когда величина предмета воспринимается как что-то особенное, не следует смешивать с восприятием *высоты как направления* возможного движения. Когда в центре внимания находится высота, тогда вопрос о том, *чья (или чего)* это высота, отходит на второй план. Воспринимая предмет как большой (прежде всего, как большой по высоте), мы переживаем *его* величину, то есть то, что характеризует предмет восприятия в качестве некоторого «что» (не важно, будет ли это большой *дом* или маленькая *лошадка*). В отличие от высоты как характеристики величины предмета по вертикали¹⁵, высота

---

¹⁴ Когда мы воспринимаем расположенные на поверхности земли предметы, поднимающиеся на значительную высоту вверх, то далеко не всегда на первый план выходит их высота. В зависимости от того, каков предмет, а также от того, что именно в нем обнаружило себя в качестве особенного, в центре внимания может оказаться и его гармоничность, и его красота, и его старость. Одна и та же вещь может быть втянута в силовое поле эстетического события и как красивая, и как прекрасная, и как старая, и как ветхая, и как большая, и как высокая и т. д. в зависимости от того, чем именно она «зацепила» реципиента. В том случае, когда вещь *велика по высоте*, она может быть воспринята и как прекрасная, и как большая, и она же может стать внешним референтом в восприятии... *направления пространства снизу вверх*. Если в фокусе внимания оказывается высота сама по себе, если восприятие высоты обретает самостоятельность, тогда и появляется возможность говорить о высоте как особенном феномене эстетики пространства.

¹⁵ Очевидно, что большой — это не обязательно большой по высоте. Одно дело — большой жираф, другое — большой крокодил или слон. Один предмет может быть велик по вертикали, другой — по горизонтали. Низкий предмет вполне может оказаться большим по величине (большой, приземистый одноэтажный дом), а высокий одуванчик, растущий рядом с низкими, — маленьким, как и все одуванчики, в сравнении с людьми. Одуванчик высок по сравнению с другими одуванчиками, но, по сравнению с человеком, он очень мал. В основе восприятия величины предмета лежит произвольное сопоставление величины нашего тела с величиной того, что мы созерцаем, причем в этом восприятии такие характеристики тела, как высота или ширина, имеют значение не сами по себе, а в соотношении с величиной предмета. Именно предмет находится в центре восприятия его величины, именно он пере-

как направление пространства акцентирует не величину, а *вектор движения взгляда и потенциального движения тела*. Особенное в восприятии большого предмета — это фиксация заметного на глаз отличия величины предмета от размеров человеческого тела, это предмет, в сравнении с которым мы ощущаем себя маленькими. Но высота как направление соотносится не с предметом, *не с вещью, а с возможностью/невозможностью для субъекта созерцания изменить свое положение в пространстве*. Когда мы говорим о высоте как форме пространства (а не предмета), в фокусе восприятия оказывается *возможность перемещения снизу вверх*.

Преэстетические условия восприятия высоты. Внешним референтом данного расположения может быть и вздыбленный ландшафт (с ним мы имеем дело в тех случаях, когда земля образует складку в виде горной гряды, скальной стенки, высокого берега реки), или вертикально ориентированный предмет. Если вы не живете в горах, то возможность воспринять высоту как направление пространства будет сопряжена для вас с созерцанием высоких деревьев, вертикально ориентированных зданий, технических сооружений (телебашен, труб, буровых вышек и т. д.). При этом не следует забывать, что восприятие предмета большой высоты только тогда будет иметь отношение к эстетике пространства, когда его ориентация по вертикали будет воспринята как направление пространства, а не как один из аспектов величины созерцаемого предмета («большой, высокий предмет»).

Высота, в отличие от выси, *всегда и по определению — относительна*. Вниманием человека она может овладеть только в том случае, если предстанет перед ним *как значительная высота*. Причина в том, что высота высокого имеет видимое основание (все, что возвышается, отправляется от какого-то видимого уровня земной поверхности) и имеет завершение: ничто высокое не дотягивается до неба.

Для того чтобы оценить высоту «на глаз», мы должны находиться *на определенном расстоянии от предмета* и видеть его от основания до верхней точки (до вершины). *Если мы будем находиться слишком близко*, то высоту предмета мы не воспримем. В этом случае мы будем видеть перед собой глухую стену, а не высоту. Задрав вверх голову, мы увидим идущую вверх поверхность стены и небо в вышине, но что будет в этом случае предметом восприятия? Направление пространства или препятствие? Воспринято будет препятствие на нашем пути, причем преграда будет оценена не эстетически (об эстетическом смысле созерцания высоты как преграды будет сказано ниже), а практически. Когда *близко от себя* мы видим препятствие, мы невольно занимаем прагматическую позицию. Высокое, как и большое, видится на расстоянии. И для созерцания предмета, и для созерцания *формы (образа) пространства* требуется дистанция.

Однако слишком большое расстояние до акцентирующего высоту предмета также препятствует восприятию высоты. *Если мы находимся слиш-*

живается в качестве большого или маленького, а оценка его высоты или, скажем, ширины — не что иное, как конкретизация восприятия предмета в аспекте величины.

ком далеко от чего-то высокого, то даже в ситуации, когда мы знаем (благодаря жизненному опыту, позволяющему оценивать размеры отдаленных от нас вещей «на глаз») о том, что предмет велик, высоту его мы — в эстетическом плане — не воспримем. Представим себе, что мы смотрим на колокольню с расстояния нескольких километров и оцениваем ее высоту (сопоставляя ее с окружающими деревьями и домами) примерно в 40 метров; в этом случае мы будем сознавать, что колокольня — высокая, но ее высота не будет предметом восприятия и переживания как направление пространства, поскольку с такого расстояния она не может поразить наше воображение как высота (слишком далеко!).

И только если высота высокого предмета дана с *расстояния, позволяющего видеть его от основания до вершины*, и наше видение удерживается на пределе возможности воспринимать предмет как целое, тогда эстетическая встреча с высотой может состояться¹⁶. Высота должна быть достаточной для того, чтобы внимание оказалось захваченным внутренним динамизмом направления, имеющего определенный, достаточный для того, чтобы преодолеть «притяжение» предмета (оторваться от его «что») визуальный «разгон». Не важно, что перед нами: гора, колокольня или телебашня, важна сама высота, сама устремленность снизу вверх.

Эстетика высоты. Что же происходит с нами в момент, когда мы воспринимаем высоту в положении «снизу вверх»? Остановимся на этом вопросе подробнее и попытаемся описать, что мы чувствуем, когда высота воспринимается как что-то особенное, когда встреча с ней — событие.

Выше уже шла речь о том, что в восприятии высоты мы имеем дело не столько с величиной предмета (хотя и с ней, по необходимости, тоже), сколько с вертикалью-вверх как особым направлением пространства.

В эстетике пространства специфика переживания того или иного направления рассматривается исходя из того, что восприятие направления — это восприятие определенного модуса возможности/невозможности иного, данного через переживание направления движения. Когда возможность дана созерцателю через форму пространства, она воспринимается как возможность/невозможность перемещения: перемещения взгляда и свернутой в нем возможности телесного движения, возможности изменить свое положение в пространстве.

Восприятие вертикали (как вертикали вниз, так и вертикали вверх) — это амбивалентное переживание: во-первых, вертикаль с позиции повседневного-привычного перемещения по горизонтали — это преграда, во-вторых, эта преграда воспринимается здесь как условная, преодолимая: вертикаль вверх — это возможность перемещения, но особенная, требую-

---

¹⁶ Впрочем, высота высокого может выйти на первый план и в том случае, когда нам не удастся удержать предмет целиком (от основания до вершины), хотя при этом, благодаря значительному расстоянию до него, он все же воспринимается не как преграда, а как предмет-перед-нами (предмет для созерцания). В этом случае появляется возможность почувствовать высоту, двигаясь по поверхности предмета снизу вверх, как нечто особенное в эстетическом отношении.

щая от человека напряжения, усилия. Движение вверх — это *трудное* движение, это возможность, которую не просто реализовать. Отсюда специфическая реакция на высоту: она воспринимается 1) как пространственное «нет» продолжению привычного перемещения (глаза и тела) по горизонтали и в то же время 2) как призыв двигаться в трудном и непривычном направлении: поднимись вверх, испытай себя подъемом! Высота переживается или как ограничение возможностей, с которым приходится считаться (высота — это то, что надо обойти, обогнуть), или как приглашение подняться на нее (преодолеть ее). «Приглашение подняться» может переживаться в двух модификациях: как призыв («вперед, вверх!») и как вызов («ну что? сможешь? или слабо?»). Движение вверх — это возможность подъема выше привычного уровня. *Движение взгляда* снизу вверх как бы включает в себя (свернуто) усилие и риск трудного подъема. Отсюда эмоциональная реакция на высоту: высота как направление, связываемое с усилием, вызывает уважение (почтение возникает по отношению к тому, что дается не всем и/или дается через усилие, риск, труд).

Вместе с восприятием высоты актуализируется понятие преграды, препятствия, но препятствия относительного, которое оценивается созерцателем или как *одолимое*, или как *неодолимое*. Важно, чтобы эту неодолимость он относил *на свой счет*. Причем эта оценка имеет созерцательно-эстетический, а не практический характер. Как обойти препятствие? Можно ли его преодолеть? В принципе любая преграда преодолима, но на деле каждый, созерцающий высоту, решает: способен ли он в принципе (пусть не сейчас!) преодолеть ее или нет, хочет он этого или нет? Высота может восприниматься и как недостижимое для меня *место*, и как место труднодоступное, но достижимое (при желании, на пределе возможностей, «когда-нибудь»). В этом состоит существенное отличие созерцания высоты от созерцания выси. Высота как препятствие, как преграда — требует *моего* усилия, испытывает *мои* возможности, выявляет *мою* силу (причем не только силу физическую, но и силу духа)¹⁷.

Созерцая высоту, мы *набрасываем себя на возможность перемещения* и в конечном счете «имеем дело» с собственными возможностями (мы испытываем свои возможности, переживаем их, это наши возможности как сущих, следовательно, ограниченных субъектов действия). У кого-то созерцание препятствия для «движения в обычном режиме» оказывается переживанием границ «того, что я могу» (это я не могу, это — не для меня), у кого-то высота пробуждает желание испытать себя, сделать над

---

¹⁷ С высью все иначе. Вись — не преграда, а недоступное для перемещения измерение пространства, это пространство Иного, это Другое, открываемое через созерцание бесконечности наверху-пространства как радикально иному существу, ограниченному, конечному. Всем существом человек сознает, что ему *невозможно* пребывать в выси небесной, во всяком случае, до тех пор, *пока ему дано это тело*. Созерцая высь, он переживает оче-видную невозможность перемещения. Раз человек не может достичь выси, но она дана ему как не-его-возможность, то ее реализацию он произвольно сопрягает в своем сознании с Высшей Силой, высь — это моя возможность, опосредованная Другим, это возможность откровения Другого.

собой усилие, доказать себе и другим, что «я это могу». Важно, что такое эстетически распакованное желание вовсе не предполагает реализации здесь и теперь, то есть не предполагает практического осуществления. Созерцая отвесную скалу, мы не решаем практически вопроса: забираться на нее или нет? Практическая сторона дела свернута в свободное от целенаправленного действия созерцание. Это созерцание не привязано к практическому действию, не подчинено ему. Здесь, в созерцании высоты, важно то, как мы ее воспринимаем безотносительно к практическому действию здесь и теперь: важно то, как мы воспринимаем ее. Переживаем ли мы ее как неодолимое препятствие или же как препятствие, которое может быть преодолено.

Подведем итог нашим размышлениям. В восприятии высоты мы имеем дело с двумя типами «высоты»: с переживанием высоты-положения (высоты собственного положения) и с переживанием высоты как направления снизу вверх. О высоте как об особенном феномене эстетики пространства можно говорить лишь по отношению к высоте-вверх. Взгляд, направленный сверху вниз (высота положения) или сверху-вперед-и-вниз, поглощается другими формами пространства: далью, простором, пропастью. Чувство высоты лишь сопровождает такие расположения, но не определяет их общей эстетической окраски, не фокусирует на себе внимание. В отличие от высоты-положения, высота-вверх имеет собственную форму (снизу вверх направленность), которая и является в данном случае предметом восприятия, ее экзистенциально-эстетическим фокусом. Со-расположенность человека и вертикальной складки пространства как предмета созерцания можно рассматривать как особое эстетическое расположение, отличное и от выси, и от феноменов эстетики величин (прежде всего — от большого). Особенное высоты-вверх — это утверждающее присутствие переживание Другого в его относительной (условной) данности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (онлайн версия). URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 10.02.2012).
2. Лишаев, С. А. Эстетика Другого. — СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008.
3. Лишаев, С. А. От тела к пространству: данность и возможность в эстетическом опыте // *Mixtura verborum*'2010: тело и слово. Философский ежегодник. — Самара : Самар. гуманит. акад., 2010. — С. 78—101.
4. См.: Лишаев, С. А. Сверху вниз (пропасть как эстетический феномен) // *Mixtura verborum*' 2011: метафизика старого и нового. Философский ежегодник. — Самара, 2011. — С. 137—170.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (онлайн версия) URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm> (дата обращения: 10.02.2012).
6. Лишаев, С. А. Феноменология выси // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Научный журнал. Серия «Философия». — 2011. — № 4. — Том 2. — С. 123—133.